

МАРИЯ ЧЕГОДАЕВА

РЕАЛЬНЫЙ КУЛИК

Великое искусство XX века было очень не простым для восприятия, доступным далеко не каждому. Труднейшие философские, мировоззренческие проблемы, встававшие перед Шостаковичем и Мандельштамом, Пастернаком и Мейерхольдом, Шагалом и Филоновым находили в их созданиях адекватное – часто парадоксальное и почти всегда очень сложное воплощение. Чтобы понимать высокое искусство прошлого столетия, зрителю, читателю, слушателю нужно было проделать большую духовную работу, подняться до уровня интеллектуальной элиты с ее эрудицией, умением абстрактно и ассоциативно мыслить, постигать художественный язык произведений, рожденных гениями.

Авангард 1910-20-х годов был убежден, что именно этот – его, новаторский язык должен быть языком «улицы». Старое, традиционное искусство, казалось им, улице чуждо: «пока выкипачиваем, рифмами пиликаая, // из любвей и соловьев какое-то варево, // улица корчится безъязыкая // ей нечем кричать и разговаривать». У улицы «во рту умерших слов разлагаются трупики, // Только два живут, жирея, – «сволочь» и еще какое-то, кажется – «борщ». (Маяковский).

Хлебников, Крученых, «футуристы» из отдела ИЗО Наркомпроса – Татлин, Малевич, Штеренберг в первые дни революции самозабвенно бросились просвещать, поднимать «улицу» до себя. «На улицы, футуристы, // Барабанщики и поэты!» – вдохновенно призывал Маяковский. Авангард жил верой в свое «апостольское» призвание – создать для всех граждан земного шара общемировой язык искусства, великий язык будущего.

Вера оказалась утопией. Во всем мире «улица» не поняла и не приняла «авангард». Творчество Кафки и Ионеско, Пикассо и Сальвадора Дали так и осталось недоступным «массам». Почти до конца столетия «массовое» и «элитарное» искусство образовывали два независимых пласта культуры XX века. Еще в 1970-80-е годы мы говорили о «киче» как о «низовом» искусстве, противостоящем «высокому» – подлинному творчеству...

В наши дни, на рубеже третьего тысячелетия происходит нечто парадоксальное. Пласты все более сращиваются, причем не на поле элитарной, а на поле массовой культуры. Не высокое искусство поднимает до себя «улицу» – «улица» и ее поп-культура захватывают пространство «высокого» искусства, опускают его до своего уровня. «Улица» не обогащает свой «язык» словарным запасом великого искусства, а навязывает искусству свой примитивный сленг, в котором «умерших слов разлагаются трупики, // Только два живут, жирея», – МАТ и СЕКС

«В культуре сегодня актуализированы стратегии, способные стать шоу, воздействовать сразу, сильно, на всех. Практически все может стать и становится шоу: политика, религия, секс, искусство. Так что, возможно, культура расширяется до стратегии шоу», – констатирует это явление как положительное искусствоведа Мила Бредихина.

Между тем, на наших глазах происходит поистине «солнечное затмение»: на искусство надвигается зловещая черная тень. Прошедшая в ЦДХ выставка Олега Кулика – буквальная тому иллюстрация.

Огромная, заполнившая все три этажа Дома художника, проходившая целый месяц выставка Кулика – явление симптоматичное, обнажающее парадоксальную ситуацию, складывающуюся в современном искусстве. Творчество Кулика предельно общедоступно, Это именно те «два слова», которыми оперирует поп-культура. Понять «произведение» на уровне мата и секса и «словить кайф» может каждая Эллочка-людоедка. Разве не клёво поглядеть на недурно сложенного голого мужика, правда, не первой свежести, но еще явно вполне пригодного к употреблению! Жаль только, что не в натуре, а на фотографиях. Выставка – всего лишь напоминание о том, как Кулик изображал собаку, как резал поросенка, как совокуплялся с козлом, как гулял, спустив штаны по России. Но будем довольствоваться тем, что предложено. Хорошая фотография – а Кулика снимал добрый десяток прекрасных фотографов – тоже может впечатлить.

И, честное слово, впечатляет! Вот он шагает по лесу в чем мать родила рядом с ехидно и удовлетворенно улыбающейся монахиней, правда, больше похожей на переодетого мужчину. У монахини на

грудь крест, у Кулика на голове рожки фавна. А что? Отличный фавн! Неплохо сложен, достаточно развиты грудные мышцы, все что надо на месте. Невольно позавидуешь «монахине».

Вот он, голый, куда-то лезет по сетке. Повезло тем, кто стоял и смотрел на него снизу, через сетку: в ракурсе мужские прелести Кулика были, наверное, еще эффектнее, чем получились на фотографии!

Вот маэстро устремился «вглубь России». «В жаркий полдень в присутствии восьми зрителей Кулик проник головой в вагину коровы».

Зашел в свинарник, заголил и предоставил свинье возможность пососать свой внушительный член. Судя по фотографии и запечатленному на ней выражению лица маэстро сосание свиньи акт весьма возбуждающий. Вот он лежит под бараном. Тоже судя по всему, очень сексуальное занятие.

Есть акции и «покруче». Лев Толстой, заляпанный куриным помётом, способный порадовать каждого лоботряса, (например, министра образования) так и не осилившего скучищи «Войны и мира». Кулик в виде Иисуса Христа в терновом венце и с поросенком в козьих ножках, заменяющих руки. «Кулик в облике Христа-мутанта (с копытами вместо рук) прошел через торговые ряды, залез на место для разделки туш и долго надрывно мычал там»

Казалось бы, все до примитива ясно: поп-искусство, ничем не отличается от тех «хитов», которые под «там-там-там» электронных инструментов орут в микрофон эстрадные звезды»: «Я на тебе, как на войне.... Окончен бой, беру портфель, иду домой... Нам повезло – остались живы мы с тобой» (Исполнялось на Васильевском спуске по случаю «Дня России».) Сексуальное шоу, балаган, мало пристойный «капустник».

Ничего подобного! Оказывается, Кулик – явление глубочайшего философского, мировоззренческого порядка, перед которым Ницше вкупе с Кафкой, Феллини, Тарковским и др. остается только смиренно снять шляпу! «Он распоряжается собственной «Энергией несвободы» от культурных стереотипов с завидной непредсказуемостью. Может быть в этом и есть узнаваемый бренд Кулика – каждый день раздвигать границы собственного Я, остаться собой, но примерить к себе всё. Все, что ниже и все что выше человеческого горизонта. Подвиги Кулика легко при этом интерпретируются как «психомиметизм» или «неуклюжесть неартифицированной подлинности, как настойчивая провокационная поза, как гистрионство эпохи перемен и влипание в «обыкновенную гламурность», как интеллектуализм и универсальность одновременно. Удивительный диапазон. ... Между Эросом искусства как вечности и Танатосом личной судьбы Кулик ищет момент парадоксального равновесия, обеспеченного его детским желанием «войти в сны человечества». (Мила Бредихина). Поистине, не только Шостакович и Филонов, но ни один величайший мастер за всю историю искусств не поднимался до таких глубин, не опускался до таких высот!

Всем «акциям» Кулика придается поистине космический философский смысл. Издевательство над Христом? «Новая проповедь» о вопиющем несовершенстве мироздания была адресована не столько людям, сколько всем живым существам и каждому невинно убиенному поросенку. Торговля мясом тем временем заметно оживилась. Художнику не удалось быть изгнанным из «храма» торговцев и мытарей. Наоборот, конsumerистское пространство легко трансформировало его протест в рекламу товара».

Скотоложество? «Андрогинность, еще один существенный для русской культуры код. В интерпретации Кулика неожиданно становится неделимым целым, соединяя человека и животного. Эрос в зоофренической транскрипции Кулика безрассудно зовет его искать сексуального партнера, и одновременно собственное alter ego.»

Резание живого поросенка на глазах у зрителей? «Художественные опыты Кулика со свиньями – смерть Пятачка в Регине, оргия «Сто поросят» в Доме кино, прогулки по свиноферме (серия «В глубь России») – на первый взгляд требуют фрейдистского анализа. ... Кулик сознательно погружается вместе со своим зрителем в полный мрак якобы подсознательного, чтобы спроецировать на экраны все, что там есть или могло оказаться».

Насколько примитивен и общедоступен «язык» произведений Кулика, настолько заумен, усложнен, нуждается в переводе с «научного» на человеческий «язык» его интерпретаций: «психомиметизм», «неартифицированная подлинность»; «гистрионство эпохи перемен»; «Танатос личной судьбы», «зоофреническая транскрипция» и т.д., и т.п. Это бросающееся в глаза противоречие неслучайно: в нем заключена, вся сущность направления современного искусства, к которому принадлежит Кулик. Произведение и его «научная интерпретация» резко отделены, отторжены друг от

друга, практически вообще несовместимы. Мы, по существу, имеем дело не с одним, а с двумя не пересекающимися «пространствами»: пространством «искусства» и пространством искусствоведения. Искусство – принципиальное НИЧТО, пустота; искусствоведение – столь же принципиальное НЕЧТО, философско-религиозно-мировоззренческий трактат, перегруженный научными терминами, набором сложнейших понятий, посягающий на самые глубинные вопросы бытия. Автор трактата – спичрайтер – искусствовед Мила Бредихина, подлинное alter ego Кулика; его, даже не второе – первое Я.

Произведение как таковое – мужик, засунувший голову под хвост коровы. При всем желании из него не извлечешь ничего иного, как не извлечешь ничего из липучек с дохлыми мухами, показанных молодой художницей на одном из бьеннале в Москве, из свернутой жгутом тряпки, экспонировавшейся в винном подвале в проекте «Верю» в качестве «Автопортрета» художницы, из пустых страниц альбома Ильи Кабакова, которые – напиши о них хоть десять диссертаций, так и остаются пустыми страницами.

Собственно, акции Кулика, если взять их в натуральном, очищенном «от примесей» виде, способны вызвать однозначную реакцию у ста процентов зрителей, независимо от их национальности, общественного положения и интеллектуального уровня. Ну, скажите, что вы подумаете, увидев средних лет мужчину, гуляющего по городу нагишом и совершающего непристойные действия? Шизофрения. Хулиганство. Эпатаж. В лучшем случае – попытка возродить юродство, некогда распространенное на Руси, стремление поиграть в этакое Василия Блаженного, что выглядит в наши дни опять-таки только дурацким эпатажем. Короче, нечто абсолютно бессмысленное, достойное если не милиции, то сумасшедшего дома.

Но ваше мнение неминуемо поколеблется, когда вы увидите, как голого мужчину и его акции снимают десятки фото – и телерепортеров, как почтительно берут у него интервью наши и зарубежные корреспонденты. Вы еще больше смутитесь, побывав на выставке в ЦДХ: фотографии и видео клипы «акций» Кулика поданы в максимально впечатляющем виде. Великолепный дизайн, сложно трансформированное пространство трех этажей; затемненные помещения, в которых разбросаны – иногда по одному на весь зал таинственно светящиеся экраны; какие-то бассейны со струями воды.... Можно только догадываться, во что всё это обошлось. Каждый метр выставочной площади ЦДХ на один день экспозиции стоит сотни, если не тысячи долларов.

И вы окончательно почувствуете свое ничтожество, свое вопиющее непонимание величия Кулика, взяв в руки шикарный супер-дорогой фолиант – этакую скрижаль с латинской надписью «*Nihil inhumanum a me alienum puto*» Oleg Kulik – «ничто НЕчеловеческое мне не чуждо».

Рога и копыта... мутант-Христос... Заверения: «Я никогда не был человеком...» Вернисажная тусовка была назначена не на обычное для вернисажей время, а на поздний вечер, с тем расчетом, чтобы захватить полночь... Все присутствующие невольно подчинялись гипнотической атмосфере «акции»: «Мощный пресс гуманитарности усыпил в человеке животное. И только когда во всех витринах гаснет свет, в темноте животное просыпается и насилует человека изнутри....» (Олег Кулик). Бал сатаны...

Уж и впрямь, не новый ли Воланд явился в Москву со своей бесовской свитой, запорошил людям глаза, перевернул представления о гуманитарности и человечности? Нет, конечно, не Воланд, а вот Кот-Бегемот или Коровьев – пожалуй...

Именно этот, старательно раскрученный «имедж», это нагнетание атмосферы чего-то дьявольского, мистического, потустороннего и составляет тот «бренд», ту отлично раскрученную рекламную акцию, номинг которой ОЛЕГ КУЛИК.

«Что такое религия? Это собрание некоторых догм, которые придуманы какими-то людьми... Божественность – это метафора. Нет какой-то божественности на небе или земле, – изрек Кулик в интервью с журналом ДИ по поводу своего проекта «Верю». – Все религии должны отойти в прошлое.»

«Практически все может стать и становится шоу: ... религия, ..., искусство» – заявляет Бредихина. Заблуждаетесь, спичрайтер: превратить в «шоу» религию и искусство не под силу даже подлинному Воланду. Религия и искусство проходят по совсем другому ведомству. Раскрутить в стоящее много миллионов, претендующее на мировую славу «шоу» можно только подмену искусства. Обманку. Скорлупу от гнилого ореха. Не лицо и не лик – личину, прикрывающую пустоту.

Зачем? С какой целью? «Художник должен производить катастрофы. Иначе никто не будет обращать на него никакого внимания, – весьма трезво и цинично советует Кулику и его alter ego Брединой искусствовед Мизиано. – Как привлечь внимание к искусству, после прочтения пяти страниц про похищение детей, убийства и коррупцию? Конечно, это создает особые условия для общества и культуры. И так, критики сами становятся художниками, работая в той же манере, что и художники, хулиганящие на улицах. Они должны производить скандалы! Вы вынуждены принять эту модель «катастрофы». И что должно обсуждаться, так это точка зрения киллера. Вам следует шокировать людей и вам следует физическими жестами, своим физическим присутствием дать визуальный конспект того, что они переживают. А они переживают ужасные вещи. Поэтому и вы должны быть ужасны».

Резонно. Должны быть ужасны.

Вот только для осуществления такой программы нужно разделить убеждение Кулика: «Бога нет и не было. Нет ничего, чего нет в этой реальности. Все остальное метафора.»

Кулик, увы, реальность.